

842=44(2)6-4
4-93

Татьяна Чурс Баушкины сказки

CA-369230

Татьяна Чурус

БАУШКИНЫ СКАЗКИ

сборник рассказов

са-369230

Санкт-Петербург
Формат
2017

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

не

*Баушке Татьяне, которая выучила меня
уму-разуму и языку диковинному*

Баушка мне сказывала...

Баушка мне сказывала... Я девчонкой-то, мил человек, ох и неумная была, ох неумная: вот, скажем, ночь на дворе, почивать пора — я ни в какую: ору благим матом во всю Ивановскую! Мать и так и эдак — толку чуть: не иду спать и все тут. Что делать с бесстыдницей? Уж так наμαστεя со мной покойница (ныне-т упокоилась ль, матушка?..), что, бывало, руки опустит: сядет, ноги так расставит, голову свою повесит... Сердце и сейчас кровью обливается, когда упомяну то, да не вернешь мать, не вернешь родимую с того света... Вот, стало, руки-то и опустит: у всех, мол, дети как дети, а эта... Скажи хошь ты ей — это она отцу, а тому завей горе веревочкой: да пошли вы к едрене матери, ни вздохнуть, ни пернуть. Пустое — мать толь и махнет рукой...

А баушка уж который сон доглядает в те поры: и то, рано укладывалась покойница, свято обычай свой блюла. Бывало, чуть затемно — она сейчас зевает во всю горла ширь, зубом своим единым посверкивает, потому уклад деревенский почитала. Правда, и вставала до свету. Вот встанет — сейчас кашу манную затеет (уж больно любила я кашу-то манную!), а то и блинчики когда, оладушки, а то еще лепешки знатные пекла баушка: и по си дни слюна течет! Я-то посыпохиваю себе, один свист стоит, а у нее уж поспело все: само в рот и просится. Вот истинный крест: я девчонкою блинчиков по десять за присест умина-

Робятёнок диковиннай

Понародился у Анисьи робятёнок. Ну, понародился и понародился, делов-то. У нас как сказ'вают: мол, иде шестеро, там и семому место сыскать немудрёно. А толь не простой робятёнок-то, какой диковиннай. Все дети как дети, а энтот...

— 'От я дура-т иде, а, — крестилась Анисья, — надоть было́ ему сейчас, как на свет полез, на одну ногу наступить, д' за другую потянуть!

— И-и, халда, типун тебе на помело, потому пусто́! Креста на т'е несть. — Баушка Рязаниха ей. — Дитё ить Божие!

— То-то и оно, что Божие! А толь титьку так закусит, что хошь криком кричи! Потому закусит — и дёржит, глазом своим косурится. А глаз, слышь, ровно золотой кой!

Баушка, повитуха ты старая, сейчас к люльке: куды там золотой, брешет Анисья-т, пустое ботало! А толь глядит — и впрямь с самого чистого золота, и сверкает так, зна'шь, ин шары слепит.

— А я что сказ'ваю. — Анисья как тут. Та, повитуха-то, толь крестится: мол, свят, свят, свят!

'От Анисья титьку с-под рубахи выпростала, д' сует сосец робятенку-т. Тот и закусил сосец-т, зачал молоко-т матерно. Сам чакает, а туды ж, глазом своим косурится, что с самого чистого золота.

В людях

Девчонка у нас была. Мать-то у ей померла — царствие небесное, потому хорошая была женщина, работу знала! — так она, девчонка самая, и осталась сирая. Вот померла мать-то, а отец, старое ты коромысло, пустился во все тяжкие: там чудит, там мудрит — совсем стыд потерял. При живой-то жене человеком был, струну знал, а тут что шлея под хвост укусила: как есть, с цепи сорвался, и сказывать нечего, потому запропал, сгином сгинул.

А мать его, тетка Митревна, там такая халда: она и живую-то невестку не жаловала — а тут мёртвая: поди ж ты! И чего толь девчонка-т сирая не прознала про мать свою: и что неряха-то она, и что окрутила ейного сына рóдного, и что вáрить да парить неумеха была (а там такая стряпунья, что ты!) — с три коробу наплела, лапотница, что б ей пусто было на том свете. А девчонка что, девчонка и слова молвить пужается, потому забрала дом в свои руки бабка Митревна, как бы на улицу взащей не вытолкала, вот оно как подошло! Да ишшо подучивает унучку-то: мол, отец твой почитай что из золота, мол, ноги ему мыть да воду пить должна за то, что кормит-поит да за воротá не гонит. Да уж, там накормил-напоил: по все дни и сидела голодная, да валенки подшитые матерны донашивала, покуда не удумала что старая Митревна. А удумала она такого рожна: неча, мол, всяких прикарм-

Сказка

Сельцо-т у нас ма-а-ахонько: там тако крохотно, что 'от кабы вся Расея как есть караваем была — и стал бы тот каравай какой там богатырь аль великан уплетать, сольцой — како же — присыпáть, ртище свой открывать, то наше сельцо ему, почитай, ровно крошечка промеж зубьев и попало б: и скусу никакого — одно пустомесло. Толь и сплюнул бы, да толь мысалы отер: потому дрянь сельцо. Так ма́ло что крохотно, то полбеда, — беда-т, что далёко от миру расейского сеяно: самый что край свету и есть, с боку припека. Потому спроси хошь 'от у дедушка Екима: хто, мол, дедушко ноне ца́рит — он сейчас и перекрестится, д' усмехнется себе в бородищу, засумлеваются: «А пес его знает, лежебокого? Кто б ни царь — мы-т свой промусел справно блюдем: хлебушко сеем-жнем — мир-от и стоит покудова». Вот и весь сказ. Старый дед'шко: на ладан дышит.

Так они и жили. Жали, д' уминали, топали, д' за обе щёки лопали, потому не было печали. А тут накося-выкуси: напасть — разевай поширше пасть.

Полюбился одной доброй девице один добрый мо́лодец. Оно конечно, на то она и девка есть, чтоб любиться да приплодом плодиться. А два брата они были: волос в волос, голос в голос, нос в нос — и рад бы, а не разбери Христос, который куды врос. Вот, стало, ей-то полюбиться полюбился, а вот она ему не то чтобы нет, а не знамо что про что.

Матушкино счастье

Счастье-то?.. Хм... счастье... Ну а то как же, счастье-то... бы-ы-ло, как же, мелькнуло, сама видала, вот как тебя... Матушка — а там полнущая, румяненная, белая, спелая, — ну молодка, ну вот что кровь с молоком, того и гляди, лопнет да брызнет сок-то, и только глубокие морщины въелись в ее сдобное личико, да глубоко-то, в самый что ни на есть корень, — так оно, личико-т (а и личиком навроде не назовешь!), ровно трещало по швам, а и одёжа нехитрая трещала, что ты: там такие груди большущие, там бока в три обхвата, там телеса будь здоров! — матушка перекрестила роток: а роток-то ма-а-ахонький, надо же, а! Что опара пру, а уж который годок постую, так-то вот... Прости, Господи, все прегрешения, вольные и невольные... И пошла лбом об пол бить — так звезды из глаз и посыпались, хоть собирай, — и как не расшиблась только, сердечная!

Счастье, говоришь... хм... ну а то как же... Круглые слезки выкатились из ее черных масляных глаз — да так и затерялись в складках-ямках. Погорельцы у нас стояли — ну, то до лиха еще... вот в аккурат до самой до войны... Матушка глотнула воздуха и сизнова перекрестила роток, точно из него вырвалось что горячее. Да... стояли... А у нас изба-то большущая — а народу всего ничего: я, мама да сестрица Стюра — повымерли все, что ско-сило. Ага, повымерли... царство Небесное и мой земной

Катышек

Была у нас одна женчина не женчина, потому пес ей толь и разберет: и не девая, и не вдовая — почитай, невесть которая. Так и прозывали ей Катыша: Катыша, мол, ты раскатыша, потому непутная. Ей уж детей-унуков пора нянчить, а она сиднем сидит, дурнем глядит, а спроси ты ей, пошто сидишь д' куды глядишь, — зенки свои на тебе вытаращит, хушь криком кричи. Уж и мать на тот свет спровадила, уж и отец стал туды одним глазком засматривать, а она все сидит д' все глядит. И как толь отец и терпит? Бывало, бабы наши и почнут язычинами хлестать — а ей хушь бы хны: завей горе веревочкой. И ктой-то ить к ей там хаживал, и ктой-то ить ей там прилаживал, потому хушь и непутная, а собою белая д' гладкая, — д' толку чуть.

А Марфа которая: людей бы, мол, постыдилася, кричит, хивря ты! Седой волос в висок глядит — а ума с гулькин нос нажила! А та эдак опустит голову свою бедовую — и что мыш какой от людей шмыгает.

А отец вздохнет промеж себе, потому ни с кем про то слова не сказ'вал, д' на печь, потому кости старые, потому мысли мутные, д' посыпохивает.

А толь и стукнуло Катыше нашей сорок сороко́в, так и про́било. А кады про́било, она, сказ'вают, сон догляд'вала. А сон такой, что 'от как на ладонии: увидала она кáтышек махонький. Такой весь жалконький, такой